

ГОЛЕМ И ДЖИНН

ТАЙНЫЙ ДВОРЕЦ

РОМАН О ГОЛЕМЕ И ДЖИННЕ

Х Е Л Е Н
У Э К Е Р

ТАЙНЫЙ ДВОРЕЦ

РОМАН
О ГОЛЕМЕ И ДЖИННЕ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
У 97

Helene Wecker
THE HIDDEN PALACE: A Novel of the Golem and the Jinni
Copyright © Helene Wecker, 2021
This edition published by arrangement
with Frances Goldin Literary Agency, Inc.
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Ирины Тетериной

Оформление обложки Егора Саламашенко

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-23298-3

© И. А. Тетерина, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Иностранка®

Пролог

Среди мириад разумных рас, населяющих наш мир, рассказывать истории больше всех любят две: люди из плоти и крови и огненные джинны, чьи жизни измеряются столетиями.

Истории как людей, так и джинов славятся своей изменчивостью. Сказания и тех и других, передаваемые из уст в уста, со временем претерпевают изменения, вариации множатся и ветвятся, образуя семьи, в которых, как в любой семье, возникает масса разногласий и противоречий. История, казалось бы, пресекается, а потом вдруг неожиданно воскресает, а ее старые кости обряжаются в новые одежды. А иные предания даже кочуют от расы к расе, хотя версии зачастую настолько разнятся, что в них с трудом можно опознать одну и ту же историю.

Взять, к примеру, сказание о рыбаке и джине. Люди рассказывают его во множестве вариантов, один из которых таков.

Жил-был когда-то давно один бедный рыбак. Однажды, занимаясь своим промыслом на берегу озера, закинул он в воду невод. В первый и во второй раз вернулся невод пустым, а на третий раз вытянул рыбак из воды старый медный кувшин. Обрадовался рыбак — ведь за медь можно было выручить несколько монет, — вытащил из кувшина железную пробку, и тут в воздухе перед ним вырос огромный разъяренный джинн. Он объяснил рыбаку, что сам царь Сулейман заточил его в этот кувшин и бросил в озеро, зная, что,

даже если джинну каким-то образом удастся выбраться, вода немедля погасит его пламя. Многие сотни лет джинн сокрушался в кувшине о своей злосчастной судьбе, пока ненависть его ко всем людям не стала столь сильна, что поклялся он убить любого, кто освободит его.

Рыбак молил джинна оставить ему жизнь, но джинн отказался пощадить его. Тогда рыбак попросил, чтобы джинн сперва ответил ему всего на один вопрос. Джинн нехотя согласился. «Как же ты, — спросил рыбак, — уместился в таком крошечном кувшине? Ты так огромен, что даже твой маленький мизинчик не влезет туда. Я не смогу поверить в твой рассказ, пока своими глазами не увижу, что ты все это время был в кувшине».

Разъяренный тем, что какой-то жалкий человечиска смеет подвергать сомнению его слова, джинн быстро принял бесплотный вид и забрался обратно в кувшин со словами: «Ну, человек, теперь ты видишь?» Рыбак, не теряя времени, заткнул кувшин железной пробкой, и джинн вновь оказался в заточении. Осознав свою ошибку, джинн стал умолять рыбака выпустить его из кувшина, суля ему несметные богатства и драгоценности. Но рыбак не поверил ему и зашвырнул кувшин вместе с пленником обратно в озеро, где он лежит и по сей день.

В изложении джиннов же это предание звучит следующим образом.

Жил-был когда-то давно один хитрый и коварный колдун, далекий потомок Сулеймана Поработителя, и прознал он о том, что есть озеро, на дне которого, заточенный в медном кувшине, лежит могущественный джинн. Обрадовался колдун и решил сделать джинна своим слугой. Переоделся он бедным рыбаком, закинул в озеро свой невод и выудил кувшин из воды. Вытащил он железную пробку, и появился перед ним огромный джинн.

Утомленный после долгих лет заточения, джинн сказал: «Ты освободил меня, человек, и в благодарность за это я не стану тебя убивать».

Сбросил тогда колдун свои рыбацкие лохмотья и вскричал: «Ты будешь служить мне до конца своих дней!» И с этими словами начал творить заклятье, которое должно было навеки привязать к нему джинна.

Джинн знал, что, даже если он попытается улететь, заклятие будет повсюду следовать за ним по пятам. И потому быстрее вспышки юркнул он обратно в кувшин, втянул за собой пробку и жаром своего тела так сильно нагрел тонкую медь, что колдун, обжегшись, инстинктивно отшвырнул кувшин прочь, в глубины озера.

Уязвленный и раздосадованный, колдун заявил: «Я вижу, что не было бы от этого джинна никакого проку, одна только головная боль. Пойду найду себе где-нибудь слугу получше». И с этими словами зашагал он прочь, оставив кувшин под водой на дне озера вместе с умным джином, который решил, что быть заточенным в одиночестве в тесном кувшине лучше, чем жить рабом.

Существует еще одна история про джинов и людей, и речь в ней тоже идет о железе и магии, клятвах и служении. Только известна она очень немногим как среди первых, так и среди вторых, и хранят они эту тайну как зеницу ока. Даже если вы найдете их и заслужите их доверие, едва ли доведется вам услышать от них эту историю, а она меж тем такова.

Ч А С Т Ь I
1900–1908

Манхэттен, февраль 1900 года

С платформы надземной железной дороги сошли мужчина и мальчик и зашагали по 67-й улице в западном направлении, преодолевая ледяные порывы встречного ветра.

Утро выдалось хмурое и ненастное, непогода разогнала большую часть горожан по домам. Немногочисленные прохожие украдкой провожали взглядами мужчину и мальчика: в своих долгополых темных лапсердаках и широкополых шляпах, из-под которых выбивались завитки пейсов, эти двое были здесь, в Верхнем Ист-Сайде, зрелищем не самым привычным. Свернув на Лексингтон-авеню, мужчина принялся расхаживать туда-сюда, напряженно вглядываясь в вывески на домах, пока наконец мальчик не нашел то, что они искали: узкую дверь с табличкой «Еврейское благотворительное общество». За дверью обнаружилась лестница, поднявшись по которой они очутились перед другой дверью, точной копией первой. Мужчина помедлил, затем расправил плечи и постучал.

Послышались шаги, потом дверь распахнулась, и на пороге появился лысеющий мужчина в очках без оправы и щегольском американском костюме.

В иных обстоятельствах посетитель мог бы представиться Львом Альгшулем, раввином синагоги на Форсит-стрит. Сопровождавший его мальчик был сыном одного из прихожан, которого равви прихватил с собой в качестве переводчика.

Мужчина в костюме — фамилия его была Флейшман — мог бы поблагодарить равви за то, что тот проделал столь долгий путь в такую непогоду. Затем эти двое могли бы обсудить дело, которое свело их друг с другом: разбор личной библиотеки некоего равви Авраама Мейера, не так давно почившего с миром. Мистер Флейшман пояснил бы, что племянник покойного равви Мейера выбрал Еврейское благотворительное общество по причине того, что оно специализируется на пожертвованиях книг, но, как только библиотека равви была доставлена и все эти бесчисленные ящики с талмудической премудростью сгрузили у них в конторе, стало ясно, что без специалиста тут не обойтись.

Равви Альтшуль, со своей стороны, в ответ мог бы не без некоторого смущения, продиктованного скромностью, поведать, что известен в своем кругу как знаток талмудической науки и что всю свою жизнь — сперва в Литве, а потом в Нью-Йорке — провел в окружении подобных книг. Он заверил бы мистера Флейшмана, что Еврейское благотворительное общество сделало правильный выбор и под его, равви Альтшуля, руководством все книги покойного равви Мейера обретут новый дом.

Но ничему подобному не суждено было произойти. Вместо этого хозяин и гость застыли на пороге, взирая друг на друга с выражением неприкрытого отвращения: голову одного венчала ортодоксальная шляпа, из-под которой свисали пейсы, в то время как макушка другого была по-реформистски голой, совсем как у какого-нибудь голя.

Затем, ни слова не говоря, Флейшман отступил в сторону, и взору Альтшуля предстал огромный библиотечный стол темного дерева, заваленный горами и горами книг.

Равви Альтшуль ахнул, как жених, которому удалось украдкой взглянуть на возлюбленную.

Флейшман наконец нарушил молчание и соизволил выдать гостю инструкции. Равви надлежало рассортировать книги на группы, руководствуясь собственным разумением. После этого каждую группу следовало отправить в какую-нибудь синагогу по выбору опять же самого Альтшуля. Маль-

чик срывающимся шепотом перевел все это на идиш; равви в ответ лишь хмыкнул и, ни слова не говоря, подошел к столу и приступил к разбору.

Флейшман, чья роль на этом была закончена, устроился неподалеку за письменным столом, взял газету и сделал вид, что внимательно ее читает, в то время как сам исподтишка наблюдал за гостем. Мальчик тоже не сводил с равви глаз, ибо Лев Альтшуль был фигурой внушительной и даже для собственной паствы оставался до некоторой степени загадкой. Он был вдовцом — его молодая жена Малка умерла от родильной горячки, — однако эта утрата, казалось, никак на нем не отразилась. Все ждали, что он возьмет другую жену, хотя бы только ради того, чтобы у ребенка, девочки, которую он назвал Крейндел, была мать, однако полагающийся по обычаю год траура давным-давно истек, а равви даже не думал искать себе невесту.

Правда заключалась в том, что Лев Альтшуль был не из тех людей, кого волнуют мирские соображения. Он и на Малке-то женился ради исполнения заповеди, предписывавшей правоверным плодиться и размножаться, а также поскольку она тоже происходила из уважаемой раввинской семьи, что, как он полагал, должно было сделать ее подходящей кандидатурой на роль жены раввина. Однако несчастная Малка оказалась совершенно не создана для этой задачи. Тихоньякая, как мышка, она сжималась при одном только виде собственного мужа, а его паства навредила на нее еще больший ужас, особенно женщины, которые, как она подозревала, и небезосновательно, за глаза потешались над ней. Альтшуль надеялся, что материнство закалит его жену, однако же, забеременев, та начала таять прямо-таки на глазах и даже доконавшую ее в итоге родильную горячку восприняла, казалось, с каким-то мрачным облегчением. Опыт этот оказался для равви Альтшуля настолько гнетущим, что, исполнив упомянутую заповедь один раз, он решил, что проходить через все это снова не готов. Проблему отсутствия у малышки Крейндел матери он решил, за деньги подряжая какую-нибудь из многочисленных молодых мамаш из числа

своих прихожанок приглядывать за девочкой. Вот и сегодня утром, получив от Еврейского благотворительного общества просьбу о помощи, он препоручил маленькую непоседу работам одной из них.

Поначалу он хотел было наотрез отказаться: в глазах Льва Альтшуля реформисты вместе с их новомодными благотворительными заведениями были злом едва ли не почище русского царя. Особое презрение вызывали у него их социальные помощницы: молоденькие немецкие еврейки, ходившие от двери к двери, предлагая дамам, которые им открывали, бесплатные яйца и молоко в обмен на согласие прослушать лекцию о современных взглядах на гигиену и питание. «Вы теперь в Америке, вы должны научиться правильно готовить пищу», — трещали они. Лев строго-настрого велел Малке не пускать настырных девиц даже на порог: он готов был скорее умереть с голоду, нежели польститься на наживку, которой они сопровождали свои речи. А теперь, когда Малка умерла, он стал осторожничать еще больше: насколько ему было известно, эти самые социальные помощницы по совместительству были глазами и ушами Воспитательного дома для еврейских сирот, огромного реформистского заведения, которое, правдами и неправдами заполучив в свои цепкие лапы детей из бедных ортодоксальных семей, заставляло их забыть свои корни, свои традиции и свой родной идиш. Словом, равви Альтшуль готов был скорее прыгнуть в яму со змеями, нежели провести день в Еврейском благотворительном обществе, однако же в конце концов заманчивая возможность прикоснуться к мудрости осиротевшей талмудической библиотеки перевесила страх, и равви неохотно согласился.

Теперь, расхаживая вокруг заваленного книгами стола, он понемногу начинал понимать, что за человек был покойный равви Мейер. Книги, как и подобало библиотеке настоящего ученого, носили на себе следы многочисленных прочтений, однако содержались в образцовом порядке. Названия их, впрочем, свидетельствовали о том, что Мейер в своих изысканиях был куда более Альтшуля склонен к мистициз-

му, чтобы не сказать к чернокнижию. Пожалуй, доведись им с хозяином библиотеки когда-либо в жизни встретиться лично, Альтшуль мог бы сказать ему пару крепких словечек. Но сейчас, стоя в чужом холодном кабинете перед бесценным наследием покойного равви, сваленным на этом столе точно содержимое тележки старьевщика, Альтшуль испытывал лишь глубокое сочувствие. Здесь, в этом кабинете, они с Мейером были братьями. Он переступит через разногласия и разберет библиотеку со всем возможным тщанием.

Он принялся раскладывать книги в стопки, в то время как мальчик, уже успевший заскучать, нервозно переминался с ноги на ногу в сторонке. Флейшман по-прежнему сидел в кресле, с громким шелестом листая газету. «Ну неужели нельзя потише», — с раздражением подумал Альтшуль; казалось, хозяин проделывал это намеренно.

И тут он замер, наткнувшись на книгу, которая выглядела куда более старой и потрепанной, нежели все остальные. Кожаная обложка облезла и свисала с деревянных крышек ключьями, корешок тоже лопнул, обнажив сшитые в узкие тетради листки, скрепленные рассыпающимся от старости кетгутум. Альтшуль бережно открыл ее и принялся листать, все больше и больше хмурясь при виде страниц с формулами и чертежами, перемежаемых страницами, покрытыми убористыми ивритскими письменами. Большую их часть он едва мог разобрать, но те фрагменты, что он понимал, говорили о теориях, экспериментах и способностях того рода, которые, если верить рассказам, были запретны для всех, кроме мудрейших из мудрейших. Что, во имя всего святого, Мейер делал с подобной книгой?

Трясущимися от волнения руками Альтшуль закрыл книгу и увидел, что следующая в стопке выглядит в точности такой же древней и растрепанной, как и предыдущая. Как и следующая за той и следующая за следующей. В общей сложности их оказалось пять: пять книг, вмещавших в себя тайное знание, которое большинство ученых полагали утраченным навсегда и оставшимся лишь в легендах. Это были священные реликвии. Ему следовало очиститься постом

и молитвой, прежде чем даже прикоснуться к ним. И вот они здесь, в Америке, и не где-нибудь, а в конторе благотворительной реформистской организации!

С колотящимся сердцем он осторожно сдвинул книги в сторону, подальше от остальных. Потом, словно ничего не случилось, взял в руки следующий, к счастью, совершенно обыкновенный том. Ему казалось, что кончики пальцев у него покалывает, словно запретные письма проникли сквозь искореженные переплеты прямо в его кожу.

К тому времени, когда все книги были рассортированы, уже стемнело. Наконец Альтшуль подозвал мальчика и двинулся вдоль стола, на ходу отдавая инструкции. Мальчик переводил их Флейшману, который с угрюмым видом записывал за ним.

— Вот *эти* книги, — Альтшуль обвел руками большую группу книжных стопок, — надлежит отдать равви Тейтельбауму из общины Коль Исроэль на Хестер-стрит. А вон те, — еще несколько книжных башен, — в синагогу Мариамполь на Восточном Бродвее.

— А эти, — перевел мальчик, когда Альтшуль указал на последнюю одинокую кучку рассыпающихся от старости томов, — надо отправить равви Хаиму Гродзинскому, раввину Вильны.

Рука Флейшмана, держащая ручку, застыла над бумагой.

— Кому-кому?

— Равви Хаиму Гродзи...

— Да-да, я понял, но Вильна? Это же в Литве?

Альтшуль через мальчика объяснил Флейшману, что равви Гродзинский — главный раввин Вильны, святой и важный человек. Да будь он хоть сам пророк Элияху, вспылит Флейшман. Он что, Ротшильд, что ли, чтобы оплачивать пересылку в Литву? Нет, или эти книги отправятся туда же, куда и все остальные, или пусть Альтшуль сам делает с ними, что хочет.

Равви некоторое время смотрел на него в безмолвной ярости, потом перевел взгляд обратно на стопку древних реликвий. Затем, ни слова не говоря, сгреб книги в охапку

и вышел за дверь. Мальчик поспешил следом за ним на улицу.

В тот вечер, когда мать спросила у него, что понадобилось их равви в фешенебельном районе, он рассказал ей и про контору благотворительного общества, и про огромную грудку книг на столе, и про человека в очках, который демонстративно шуршал газетой, но ни словом не обмолвился о книгах, которые равви Альтшуль привез на надземке домой. Ему не хотелось вспоминать ни о том, каким жутким огнем горели глаза равви, когда тот смотрел на книги, ни о том, как они едва не проехали свою станцию, потому что очнулся равви лишь после того, как мальчик похлопал его по плечу. Равви Альтшуль никогда ему особо не нравился, но до того дня он никогда его не боялся.

Отсылать книги виленскому раввину Альтшуль не стал.

Вместо этого он завернул их в молитвенную шаль, положил сверток в фанерный чемодан, а чемодан задвинул под кровать, в самый дальний угол и продолжил жить прежней жизнью, состоявшей из посещений синагоги, молитв и преподавания иврита. Месяц проходил за месяцем, но равви Альтшуль ни разу не притронулся к книгам, хотя искушение было огромным. Не пытался он и навести справки относительно обстоятельств смерти равви Мейера, хотя не мог не задаваться вопросом: не сыграли ли книги тут какую-то роль. Он представлял себе, как это могло произойти: радость от случайной находки, бесцельное перелистывание страниц, попытка подступиться к какому-нибудь заклинанию, оказавшемуся Мейеру не по зубам, и как итог — неотвратимые последствия.

Его интуитивная догадка была верной — до некоторой степени. Книги и в самом деле ускорили смерть равви Мейера, мало-помалу подтачивая его силы в процессе их изучения, — не из самонадеянного желания овладеть заключенной в них премудростью, но в попытке удержать в узде опасное существо, волею судьбы оказавшееся на попечении Мейера, которое он приютил у себя и к которому успел

привязаться. Существо это было големом, которому его создатель придал обличье человеческой женщины — довольно рослой и неуклюжей, но в остальном совершенно ничем не примечательной. Звали голема Хава Леви. Она работала в пекарне Радзинов на углу Аллен- и Деланси-стрит, кварталах в семи от синагоги Альтшуля. Для своих коллег она была неутомимой Хавой, которая могла за две минуты заплести целый противень хал и порой предугадывала пожелания покупателей еще до того, как те успевали высказать их вслух. Для хозяйки пансиона на Эддридж-стрит, где она жила, Хава была тихой и спокойной жилицей, искусной швеей, которая подрабатывала ночами, штопая и перешивая чужие вещи на заказ. Она справлялась с этим так быстро, что восхищенные клиенты порой спрашивали ее: «Хава, когда вы успеваете спать?» Правда, разумеется, заключалась в том, что спать ей не требовалось.

Сирийская пустыня, сентябрь 1900 года

В пустыне, к востоку от человеческого города аш-Шам, также именуемого Дамаском, два джинна гонялись друг за другом меж барханов.

По меркам их расы лет им было совсем мало, всего каких-то несколько десятков. Многие тысячелетия их клан обитал в укромной долине, на отшибе от человеческих империй, которые росли, угасали и по очереди завоевывали одна другую. Юные джинны носились в вышине, пытаясь перехватить друг у друга поток воздуха, верхом на котором восседал соперник, — игра эта была среди их ровесников чрезвычайно распространена, — когда вдруг один из них заметил нечто крайне странное: с запада в их сторону направлялся какой-то мужчина. Человеческий мужчина. Он был высок, худ и с непокрытой головой. В руке он держал выдавший виды саквояж.

Юные джинны изумленно засмеялись. Люди нечасто забредали в эту часть пустыни в одиночку, а уж пешком так

и вовсе никогда. Каким ветром занесло сюда этого безумца? Потом смеяться они перестали: он подошел ближе, и стало понятно, что это не человек, а один из их сородичей. Он подошел еще ближе — и обоих джиннов внезапно охватил инстинктивный ужас.

Железо! Он несет железо!

И впрямь запястье незнакомца плотно охватывал блестящий кованый браслет. Но... как такое было возможно? Неужто он не испытывал перед железом никакого страха, не чувствовал обжигающей боли? Да *что* же он такое?

Озадаченные юнцы полетели обратно в долину, чтобы рассказать старшим о том, что видели.

Человек, который на самом деле был не человеком, подошел к долине.

Юнцы не ошиблись: он и в самом деле был джинном, существом из живого огня. Когда-то, как и они все, он волен был принимать обличье любого животного, летать по воздуху на крыльях ветра, незримый никакому глазу, и даже беспрепятственно проникать в чужие сны, но давным-давно утратил эти способности. Железный браслет у него на запястье был создан могущественным колдуном, который пленил его, запер в человеческом обличье и для надежности заточил в медный кувшин. В этом кувшине он просидел более тысячи лет — которые пронесли для него как один нескончаемый миг, — до тех пор, пока в одном городе на другом краю земли ничего не подозревающий жестянщик не вскрыл кувшин и не освободил его. Способность говорить на языке джиннов он также утратил, ибо тот был порождением ветра и пламени, неподвластным человеческому языку. В саквояже его лежал тот самый медный кувшин, который тысячу с лишним лет был его тюрьмой, а теперь стал темницей для того самого колдуна, который пленил его. Победа эта далась ему немалой ценой. И теперь он вернулся в то место, которое некогда было его домом, чтобы спрятать кувшин подальше от мира людей.

Он дошел до края долины и остановился, выжидая. Вскоре он заметил их — фалангу джиннов, отправленных на разведку. Те двое юных джиннов тоже вернулись вместе с ними, но были не настолько отважны, как старшие. Приняв обличье ящериц, они юркнули в кусты неподалеку от ног незнакомца в надежде, что миниатюрный размер поможет им остаться незамеченными.

Что ты такое? — спросили старшие джинны.

И тогда пришелец поведал им свою историю.

Весть о пришельце облетела всю долину.

Вскоре сотни джиннов сгрудились на горных вершинах, наблюдая оттуда за тем, как он, стоя на коленях, голыми руками выкапывает в песке яму. Тем временем два давешних юнца перелетали от одного товарища к другому, возбужденно пересказывая историю, которую услышали от него, находясь в обличье ящериц.

Он один из нас, появившийся на свет в этой долине и плененный могущественным колдуном тысячу с лишним лет тому назад...

Железный браслет у него на руке заколдован, он не дает ему сбросить человеческую личину...

Часы текли один за другим, а пришелец все трудился и трудился, не обращая внимания на зной. Наконец он открыл саквояж и достал кувшин. Медные бока засияли в лучах полуденного солнца.

Вот, видите? Это была его темница! А теперь там, внутри, сидит сам тот колдун!

Кувшин исчез в яме вместе с растрепанной стопкой бумаг.

Там его заклинания! — предположили вслух юнцы; их догадка оказалась верной.

Затем пришелец засыпал яму землей и песком, сложил сверху пирамидку из камней, чтобы отметить место, и поднялся, отряхивая руки.

Старшие джинны тоже все это время внимательно за ним наблюдали. Слетев с горных вершин, они обратились к нему с вопросом, и горы эхом отразили их голоса.

Но как же ты будешь жить, спросили они, заточенный в человеческом теле и скованный железом? Что ты станешь делать, куда пойдешь?

— Я вернусь домой, — отозвался бывший узник медного кувшина.

И, ни слова больше не говоря, покинул долину и скрылся в пустыне.

История о скованном железом джинне передавалась от одного джинна к другому.

Главное во всех этих рассказах совпадало: пришелец, железный браслет, кувшин и яма, в которую его закопали. А дальше начинались многочисленные расхождения, которые множились и ветвились. Одни утверждали, что его видели поблизости от незримых развалин древнего стеклянного дворца, от чьих стен и шпилей практически ничего не осталось. Другие упоминали о том, что какой-то джинн в человеческом облике был замечен на пути в Гуту, опасный оазис, раскинувшийся вдоль восточной границы Дамаска, где болотные твари подстерегали прохожих джиннов, чтобы затащить в воду, в которой им, сотканным из живого пламени, очень быстро приходил конец.

Но зачем ему понадобилось туда идти? — недоумевали слушатели.

Возможно, для того, чтобы покончить со своей несчастной жизнью, предполагали некоторые.

Другие же вспоминали его слова: *Я пойду домой.* И мысли их обращались к землям, лежащим за Гутой, к миру людей и железа. Так вот что он имел в виду? Неужели он теперь живет там, среди них? Это казалось невыносимым. Жить в человеческом облике, как один из них, передвигаясь по земле, а не по воздуху, укрываться от смертоносных дождей в их строениях, говорить с ними на их языках — как долго можно все это выносить? Эдак скоро воды Гуты покажутся благословенным избавлением!

Так они толковали и спорили меж собой, снова и снова пересказывая друг другу эту историю. И вскоре она обрела

Уэкер Х.

У 97 Тайный дворец : Роман о Големе и Джинне / Хелен Уэкер ; пер. с англ. И. Тетериной. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 608 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-23298-3

Впервые на русском — продолжение «лучшего дебюта в жанре магического реализма со времен „Джонатана Стренджа и мистера Норрелла“ Сюзанны Кларк» (*BookPage*).

Хава — голем, созданный из глины в Старом свете; она уже не так боится нью-йоркских толп, но по-прежнему ощущает человеческие желания и стремится помогать людям. Джинн Ахмад — существо огненной природы; на тысячу лет заточенный в медной лампе, теперь он заточен в человеческом облике в районе Нью-Йорка, известном как Маленькая Сирия. Хава и Ахмад пытаются разобраться в своих отношениях — а также меняют жизни людей, с которыми их сталкивает судьба. Так, наследница многомиллионного состояния София Уинстон, после недолгих встреч с Ахмадом страдающая таинственным заболеванием, отправляется в поисках лечения на Ближний Восток — и встречает там молодую джиннию, которая не боится железа и потому была изгнана из своего племени...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ХЕЛЕН УЭКЕР

ТАЙНЫЙ ДВОРЕЦ
РОМАН О ГОЛЕМЕ И ДЖИННЕ

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Светлана Прохвятилова
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Наталья Витько, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 07.07.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 37,24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-32250-01-R